

безобразное, избегает его"¹⁹. Сказать, что человек знает добродетель, но не следует ей, – значит сказать бессмыслицу. Это значит допустить, будто человек действует не как человек, будто он действует вопреки своей пользе, что было бы равнозначно предположению, будто птица не желает летать. Тогда это – не птица. Точно так же человек, знающий лучшее, но избирающий худшее, – не человек.

Как люди думают, так они и живут

Сократа нельзя считать совершенно наивным человеком или зряшным парадоксалистом, который не видел или цинично игнорировал тот очевидный факт, что многие люди действуют во вред себе. Он отличался исключительной проницательностью. Его необычные этические суждения были беспощадным диагнозом, удостоверявшим и объяснявшим глубокую испорченность нравов. Да и сама необычность суждений Сократа состояла в том, что он в отличие от большинства не стал обманывать себя, а трезво взглянул на нравственную ситуацию. Сократ установил: люди говорят о справедливости, мужестве, прекрасном, считают их самыми важными и ценными вещами в жизни, но они не знают, что это такое. Сократ беседует с полководцем Лахетом о мужестве. Лахет не может сказать, что такое мужество. Он беседует с самым известным наставником юношества Протагором о добродетели. Протагор не может ответить на простейшие вопросы, связанные с воспитанием добродетели. Неугомонный Сократ пытается у самых, и казалось бы, подходящих для этого людей узнать также о других понятиях, образующих высший ценностный ряд человеческого сознания. Каждый раз его ждет разочарование. Получается так, что люди живут, словно во сне, не отдавая себе ясного отчета в своих словах или поступках. Эта слепота в вопросах добродетели и является, по мнению Сократа, причиной опасной деформированности нравов, состоящей в том, что люди заботятся больше о теле и деньгах, а не о душе. Жертвами сократовой аналитики становятся те, в ком "нет добродетели, а он только говорит, что она есть" (1, 99).

Показывая лживость ходячих представлений о добродетели, Сократ обнажает порочность, внутреннюю фальшь практикуемого афинянами образа жизни. Вопросая афинян, Сократ одновременно укоряет их. Не случайно его собеседники не только путаются, противоречат самим себе, они еще и сердятся на него, подобно тому, как дети, находящиеся в сладостном сне, сердятся на строгого воспитателя, который толчками будит их по утрам. Сократа в ходе споров не раз "колотили и таскали за волосы", в итоге он оказался казненным; его обвинителями стали люди смертельно на него обиженные: "Анит был в обиде за ремесленников и политиков, Ликон – за риторов, Мелет – за поэтов,

---

¹⁹ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.; Л., 1935. С.

ибо Сократ высмеивал и тех, и других, и третьих"²⁰. Приведем два примера сократовских бесед, показывающих, как теоретическое исследование этических проблем связано с критикой моральной практики. Это — беседы с софистами Гиппием о прекрасном и с Полом о справедливом, излагаемые Платоном в диалогах "Гиппий большой" и "Горгий".

В завязке диалога "Гиппий большой" обозначаются исходные нравственные установки участников спора – Гиппия и Сократа. Гиппий является типичным софистом – платным учителем философии; он стремится к признанию, славе, измеряет мудрость количеством заработанных в ходе обучения денег и считает себя поэтому критерию самым мудрым. Он аттестует сам себя наилучшим учителем добродетели и тут же признается, что менее всего имел успех в Лакедемонии, где, по общему признанию, добродетель пользуется наибольшим почетом, – типичный пример того, как логическое противоречие оказывается нравственным осуждением. Гиппий заносчив, крайне самоуверен, он больше сосредоточен на том, как он выглядит, чем на том, что он говорит. Сократ, напротив, предельно скромно; его вовсе не интересует, что о нем подумают и какие житейские выгоды ему может принести философия, он сосредоточен только на истине. Он иронизирует над успехами софистов, которые используют мудрость, чтобы заработать много денег и противопоставляет им наивную простоту древних, которые бескорыстно служили истине. Сократ признает высокие личностные качества собеседника, но очень настороженно относится к содержанию его суждений. Не без некоторого лукавства он так обозначает свое место по отношению к Гиппию: "...я буду тебе возражать, чтобы получше выучиться" (1, 159). Чему же он выучился?

Сократ спрашивает: "Что же это такое — прекрасное?" Гиппий не проникает в философский смысл вопроса и полагает, будто речь идет о том, какой предмет можно назвать прекрасным. Он отвечает: "Прекрасное — это прекрасная девушка". Возражая на это, Сократ легко доказывает, что с таким же успехом прекрасным можно было бы назвать прекрасную кобылицу, прекрасную лиру или прекрасный горшок. Далее он подводит к мысли, что каждая из этих вещей, будучи прекрасной, является в то же время безобразной. Красота вещей относительна. Даже самый прекрасный горшок безобразен по сравнению с прекрасной девушкой. Даже самая прекрасная девушка безобразна по сравнению с богами. Сократ принуждает Гиппия к выводу, согласно которому прекрасное нельзя сводить к отдельным его проявлениям. Необходимо выяснить, что оно есть само по себе, какова его сущность. Начинается следующая стадия спора: даются общие определения прекрасного как подходящего, пригодного, полезного, приятного для слуха и зрения. Сократ подталкивает, провоцирует Гиппия к этим определениям, а затем

---

²⁰ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 99, 105.

раскрывает их несостоятельность, вынуждая собеседника согласиться с тем, что они несостоятельны.

(092) Жером.Ж.-Л. Сократ ищет Алкивиада в доме Аспазии. 1861

Духовно измотанный Гиппий в конце концов раздражается и обрывает беседу следующими словами: "Но что же это такое, по-твоему, Сократ, все вместе взятое? Какая-то шелуха и обрывки речей, как я сейчас только говорил, разорванные на мелкие части. Прекрасно и ценно нечто иное: уметь выступить с хорошей, красивой речью в суде, совете или перед иными властями, к которым ты ее держишь; убедить слушателей и удалиться с наградой, не ничтожнейшей, но величайшей – спасти самого себя, свои деньги, друзей. Вот чего следует держаться, распроставшись со всеми этими словесными безделками..." (1, 185). Сократ своей интеллектуальной дотошностью, как говорится, режет по живому. Он покушается на то, что дорого большинству — на желание "спасти самого себя, свои деньги, друзей". За интеллектуальной неряшливостью Гиппия (а Гиппий — кумир толпы) скрыта сомнительная нравственная позиция. Безобразие жизненных целей несовместимо со знанием истинной сущности прекрасного.

С софистом Полем Сократ спорит по двум вопросам: что предпочтительней: 1) совершить несправедливость или самому испытать ее?; а если она совершена, то 2) остаться безнаказанным или понести кару? По первому вопросу Пол считает, что "люди, творящие несправедливость, наслаждаются счастьем" (1, 289) и потому творить несправедливость предпочтительней. В доказательство он приводит судьбу македонского царя Архелая, который на пути к трону коварно убил своего дядю, родного и двоюродного братьев и после всего этого занимает настолько завидное положение, что многие афиняне охотно поменялись бы с ним местами. По второму вопросу Пол также придерживается расхожего мнения, что предпочтительней избежать наказания. Предположим, говорит он, что кто-то, желая стать тираном, совершил преступление и достиг желанной цели. И спрашивает: неужели ему было бы лучше, если бы его преступление не удалось и, вместо того чтобы стать тираном, он подвергся жестоким наказаниям – ему выжгли глаза, подвергли другим пыткам, в его присутствии мучили его близких и т. д. Сократ придерживается по обоим вопросам иных позиций: по первому – "если бы оказалось неизбежным либо творить несправедливость, либо переносить ее, я предпочел бы переносить" (1,287); по второму — "человек несправедливый и преступный несчастлив при всех обстоятельствах, но особенно несчастлив, если уходит от возмездия и остается безнаказанным" (1, 292).

Обосновывая свой первый тезис, Сократ спрашивает оппонента, что является более безобразным (постыдным) – причинять несправедливость или терпеть ее? И получает естественный ответ: причинять несправедливость считается делом более безобразным, чем стать жертвой несправедливости. Далее, через цепь рассуждений в полном согласии с Полем он приходит к заключению: нечто считается безобразным из-за того, что оно сопряжено либо со страданиями, либо со злом (вредом), либо с тем и другим вместе. И дальше:

С о к р а т. Разберем сперва... больше ли страдают те, кто чинит несправедливость, чем те, кто ее переносит.

Пол. Это уже ни в коем случае, Сократ!

С о к р а т. Страданием, стало быть, первое не превосходит второе?

Пол. Нет, конечно.

С о к р а т. Значит, если не страданием, то и не злом и страданием вместе.

Пол. Кажется, так.

С о к р а т. Остается, значит, другое.

Пол. Да.

С о к р а т. То есть зло.

Пол. Похоже, что так.

С о к р а т. Но если причинять несправедливость – большее зло, чем переносить, значит, первое хуже второго.

Пол. Очевидно, да...

С о к р а т. А большее зло и большее безобразие ты предпочел бы меньшему? Отвечай смело, Пол, не бойся – ты ничем себе не повредишь. Спокойно доверься разуму, словно врачу, и отвечай на мой вопрос "да" или "нет".

Пол. Нет, не предпочел бы, Сократ.

С о к р а т. А другой какой-нибудь человек?

Пол. Думаю, что нет, по крайней мере после такого рассуждения.

С о к р а т. Стало быть, я верно говорил, что ни я, ни ты и вообще никто из людей не предпочел бы чинить несправедливость, чем терпеть, потому что чинить ее – хуже.

Пол. Видимо, так" (1, 295—296).

(093)

Столь же убедителен Сократ и при рассмотрении второго вопроса. В этом случае он добивается предварительного согласия собеседника по двум тезисам – что справедливое всегда прекрасно и что "какое действие совершается, такое же в точности и испытывается" (1, 298). И далее:

" С о к р а т. Нести кару — значит что-то испытывать или же действовать?

Пол. Непременно испытывать, Сократ.

С о к р а т. Но испытывать под чьим-то воздействием?

Пол. А как же иначе? Под воздействием того, кто карает.

С о к р а т. А кто карает по заслугам, карает справедливо?

Пол. Да.

С о к р а т. Справедливость он творит или несправедливость?

Пол, Справедливость.

С о к р а т. Значит, тот, кого карают, страдает по справедливости, неся свое наказание?

Пол. Видимо, так.

С о к р а т. Но мы, кажется, согласились с тобою, что все справедливое — прекрасно?

Пол, Да, конечно.

С о к р а т. Стало быть, один из них совершает прекрасное действие, а другой испытывает на себе – тот, кого наказывают.

Пол. Да.

С о к р а т. А раз прекрасное – значит, и благое? Ведь прекрасное либо приятно, либо полезно.

Пол. Непременно.

С о к р а т. Стало быть, наказание — благо для того, кто его несет.

Пол. Похоже, что так" (1, 298).

Спор резюмируется следующим образом:

" С о к р а т. На чем же, друг мой, мы с тобой разошлись? Ты утверждал, что Архелай счастлив, хотя и совершает величайшие несправедливости, оставаясь при этом совершенно безнаказанным, я же говорил, что, наоборот, будь то Архелай или любой другой из людей, если он совершит несправедливость, а наказания не понесет, он самый несчастный человек на свете и что во всех случаях, кто чинит несправедливость, несчастнее того, кто ее терпит и кто остается безнаказанным – несчастнее несущего свое наказание? Так я говорил?

Пол. Да.

С о к р а т. И теперь уж доказано, что говорил правильно?

Пол. По-видимому" (1, 303).

Присутствовавший при этом напряженном диалоге Калликл обратился к Сократу со следующими многозначительными словами: "Скажи мне, Сократ, как нам считать – всерьез ты теперь говоришь или шутишь? Ведь если ты серьезен и все это правда, разве не оказалось бы, что человеческая наша жизнь перевернута вверх дном и что мы во всем поступаем не как надо, а наоборот?" (1, 305). Калликл очень точно обнажает социально-критическую нацеленность философской любознательности Сократа: доказывая, что афиняне не так думают, он доказывает, что они не так живут.

Кто не добродетелен, тот и не мудр

По Сократу, добродетельная жизнь неразрывно соединена со знанием добродетели. Обладает ли, однако, он сам таким знанием? Нет, не обладает. Более того, Сократ открыто прокламирует свое незнание и с этим связывает приписываемую ему мудрость.